

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-4-42-54

УДК 297.1:291.1:004.9:
316.74:316.775

Содержание статьи

Информация о статье

М. Я. Яхьяев¹
А. Ф. Поломошнов²

Введение
Формы цифровизации ислама
Интерпретация цифровизации ислама в
научном сообществе
Сущность цифровизации ислама
Заключение

Поступила в редакцию: 17.11.2025
Передана на рецензию: 20.11.2025
Получена рецензия: 5.12.2025
Принята в номер: 26.12.2025

Цифровизация ислама: перспективы и опасности

Дагестанский государственный университет; muchtar59@mail.ru
Донской государственный аграрный университет; paf1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и основные проявления цифровизации ислама в современном обществе, ее позитивные и негативные аспекты, дается сравнительный анализ аргументации защитников и критиков цифровой трансформации ислама. Особое внимание в контексте концепции «обнуления» традиционных религий уделяется рассмотрению неоднозначных последствий цифровизации ислама, предлагается обоснование того, что процессы цифровой трансформации ислама де-факто ведут к расшатыванию основ традиционной религии, затрагивающему вероучение ислама, его культ, религиозные организации. Аргументируется положение о том, что киберислам, который постепенно замещает подлинный ислам, проявляется не как его новая форма, адаптированная к цифровым технологиям, а как цифровой симулякр традиционной религии. На основе проведенного исследования выводится необходимость ограничения и минимизации процессов цифровизации религии, в частности, значимость разумного регулирования цифровой трансформации ислама со стороны духовных авторитетов и руководства религиозных организаций.

Ключевые слова: цифровизация религии, «обнуление религии», традиционный ислам, цифровая трансформация ислама, киберислам.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-4-42-54

UDC 297.1:291.1:004.9:
316.74:316.775

Content of the article

Information about the article

М. Я. Яхьяев³
А. Ф. Поломошнов⁴

Introduction.
Forms of digitalization of Islam.
Interpretation of the Digitalization of Islam in
the Academic Community.
The Essence of the Digitalization of Islam.
Conclusion.

Received: 17.11.2025
Submitted for review: 20.11.2025
Review received: 05.12.2025
Accepted for publication:
26.12.2025

¹ Яхьяев Мухтар Яхьяевич – заведующий кафедрой философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета, доктор философских наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0003-2243-722>.

² Поломошнов Андрей Федорович – профессор кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета, доктор философских наук.

³ Mukhtar Ya. Yakhyayev – Dr. Sc. (Philosophy), professor, head of the Philosophy and Socio-Political Sciences Department, Dagestan State University; <https://orcid.org/0000-0003-2243-722>.

⁴ Andrey F. Polomoshnov – Dr. Sc. (Philosophy), professor at the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines.

Digitalization of Islam: Prospects and Risks

Dagestan State University; mughtar59@mail.ru

Don State Agrarian University E-mail: paf1@mail.ru

Abstract. The article examines the essence and main manifestations of the digitalization of Islam in modern society, its positive and negative aspects, and provides a comparative analysis of the arguments for and against digital transformation of Islam. Particular attention is paid to the controversial consequences of the digitalization of Islam in the context of the concept of “zeroing out” traditional religions. It offers a justification for the fact that the processes of digital transformation of Islam de facto lead to undermining the foundations of traditional religion, affecting Islamic doctrine, its cult, and religious organizations. The authors argue that cyber-Islam, which is gradually replacing authentic Islam, manifests itself not as its new form adapted to digital technologies, but as a digital simulacrum of traditional religion. Based on the conducted research, the authors justify the need to limit and minimize the processes of digitalization of religion and emphasize the importance of reasonable regulation of digital transformation of Islam by spiritual authorities and the leadership of religious organizations.

Keywords: digitalization of religion, “zeroing out religion”, traditional Islam, digital transformation of Islam, cyber Islam.

Введение

Цифровая трансформация традиционных социальных институтов и сфер жизнедеятельности человека, которая как объективный процесс не встречает адекватных преград и ограничений, уже стала современной реальностью. Тотальная цифровизация общественной и личной жизни изображается ее проводниками путем к новому, более совершенному мироустройству, а отставание в этой гонке стран и народов к цифровому обществу трактуется как нечто неразумное, лишаящее ее участников перспектив в будущем мире. Однако цифровизация оказывается весьма неоднозначным и противоречивым процессом, особенно, если речь идет о цифровизации такой многоаспектной формы духовной культуры общества, как религия. Несмотря на то что процессы цифровой трансформации религии идут давно, причем с нарастающими темпами, в научном и религиозном сообществе все еще не сложилось однозначного отношения к нему. С одной стороны, мы видим активное развитие виртуальных, цифровых форм религии, причем не только новых нетрадиционных сект, но и традиционных мировых религий. С другой стороны, высказываются опасения по поводу виртуализации религии, подчеркивается противоречивость этого процесса. Выработка правильного отношения к этим злободневным процессам требует от нас понимания глубинной сущности и многообразных форм проявления цифровизации/виртуализации религии.

Несмотря на то что цифровизация религии предстает одним из основных трендов современной религиозной культуры общества, до сих пор не существует четкого, однозначного определения ее сущности. В. В. Пушнова отмечает, что на рубеже тысячелетий в западном религиозноведческом дискурсе появились термины, характеризующие бурно идущий процесс оцифровки религии: «киберрелигия», «киберцерковь», «цифровая религия» [5, с. 265]. Под киберрелигией предлагается понимать цифровую/виртуальную форму традиционной религии, а под киберцерковью – сообщество верующих, взаимодействующих в виртуальном пространстве компьютерных сетей. К. Хэлланд для характеристики процессов цифровизации религии использует термины «онлайн-религия» и «религия-онлайн». Под «онлайн-религией» он предлагает понимать религиозную деятельность в Интернете, а для обозначения религиозной пропаганды средствами

Интернета использовать понятие «религия-онлайн» [14]. Содержательно разворачивая термин «онлайн-религия», Х. Кемпбелл считает важным рассмотрение различных форм онлайн-религии. В качестве основных форм онлайн-религии исследователь выделяет: сбор религиозной информации, религиозные ритуалы и богослужения онлайн, миссионерскую деятельность в Интернете и религиозные онлайн-сообщества [13].

Для характеристики процессов оцифровки религии и религиозной деятельности наиболее часто исследователями используется понятие «цифровая религия». Нам же представляется необходимым обратить внимание на свойственную этому термину определенную двусмысленность. Здесь речь о том, что понимание цифровой религии именно как оцифрованного религиозного культа и деятельности в Интернете не исключает, а скорее допускает возможность трактовки цифровой религии как своеобразного «обоожествления» цифровых технологий и создаваемых на их основе цифровых продуктов, в т. ч. и религиозного содержания. В условиях плюрализма и многозначности терминов, используемых для обозначения процессов и результатов цифровизации религии, нам представляется целесообразным использование понятия «киберрелигия», характеризующего цифровые формы религии. Соответственно цифровая форма существования ислама находит свое отражение в понятии «киберислам». Но, прежде чем давать оценки процессам цифровизации, происходящим в исламе, присмотримся к основным формам проявления цифровых видоизменений ислама.

Формы цифровизации ислама

Формы, в которых происходит цифровизация ислама, многообразны и описаны рядом исследователей. Так, Е. Н. Чеснова, осмысливая основные формы проявлений цифровой трансформации исламской религии, систематизирует их следующим образом: 1) создание мусульманских электронных масс-медиа и интернет-порталов; 2) деятельность в интернет-пространстве виртуальных религиозных VR-священников («скайповых» муфтиев и шейхов, онлайн-улемов, электронных джамаатов); 3) религиозные практики в онлайн-режиме (виртуальный хадж, виртуальное жертвоприношение и т. п.); 4) оцифровка священных памятников и мест ислама (Каабы, Мекки, мечети аль-Харам, мечети Купол Скалы, мечети Аль-Акса и др.); 5) развитие исламского религиозного туризма; 6) создание мобильных цифровых гаджетов (телефонов, смартфонов, в которые размещается любая информация, необходимая для верующего, – от карманного электронного Корана до рекомендаций по соблюдению религиозных обрядов); 7) создание цифровых учебных заведений (медресе); 8) развитие массовых исламских соцсетей и мессенджеров; 9) создание религиозных сайтов и приложений знакомств мусульман для создания семьи; 10) развитие сервисов и организаций в интернет-пространстве, реализующих благотворительную деятельность на благо сообщества мусульман; 11) создание цифровых продуктов в финансовой сфере с учетом требований шариата («исламские финтес-платформы», исламские банки, халяльные инвестиции в стартапы и т. д.); 12) создание сайтов молельных домов, мечетей, медресе; 13) формирование виртуальной уммы, развитие цифровой медиакультуры мусульман [10].

З. Р. Хабибуллина, А. А. Чубараева, И. П. Пономарева акцентируют внимание на виртуализации основных обрядов ислама: «Можно совершить виртуальный хадж, практикуется виртуальное принятие ислама, особенно в суфизме, виртуальный никах (обряд бракосочетания), намаз (ежедневная пятикратная молитва) и другие ритуалы» [7].

Из всего этого перечня цифровых форм ислама, на наш взгляд, особо пристальное внимание необходимо уделить виртуальной умме и индивидуальным цифровым гаджетам. Именно так поступают и отдельные исследователи, в частности, З. Р. Хабибуллина, которая определяет виртуальную умму как «непостоянное сообщество

индивидов в интернет-пространстве, идентифицирующих себя как мусульмане. То есть мусульмане в Интернете могут собираться в группы и с таким же успехом распадаться и включаться в деятельность других площадок» [8, с. 605]. К цифровым индивидуальным гаджетам относят, к примеру, электронные четки, электронную ручку для чтения Корана, молитвенный хай-тек коврик и т. п. Во всех подобных формах цифровизации религии мы и обнаруживаем проблему, которая заключается в том, что подобные «усовершенствования» реальной жизни мусульманской уммы не только деформируют аутентичную природу религиозной общины, но и искажают саму сущность религиозных обрядов, религиозного поведения и общения мусульман.

Интерпретация цифровизации ислама в научном сообществе

В научном и религиозном сообществе сегодня не существует однозначной и общепринятой интерпретации активно идущего процесса цифровизации ислама. Тем не менее, обобщая высказанные различными авторами мнения, можно выделить три основных типа позиций. Первая – апологетическая/оптимистическая позиция, проявляется в однозначно позитивной оценке процессов цифровой трансформации ислама. Обращая внимание на некоторые незначительные опасности виртуализации религии, придерживающиеся ее исследователи стремятся высветить преимущественно, положительные аспекты киберислама в сравнении с традиционными формами существования ислама.

Вторая, – формально нейтральная позиция, провозглашает стремление к научной объективности в оценке цифровых форм ислама. Она акцентирует внимание на закономерной неизбежности цифровой трансформации всех традиционных религий, в том числе ислама.

Третья, – критическая/скептическая позиция, на сегодня наименее слабо выражена в научном и богословском дискурсе, основывается на негативном отношении к цифровым трансформациям религий, в частности, к киберисламу. Но именно эта позиция высвечивает в полном объеме уже назревшие и возможные в будущем опасности перехода от традиционного ислама к киберрелигии, предупреждает об отрицательных последствиях стихийных, никем не контролируемых процессов распространения превращенных форм ислама.

Среди исследователей проблемы цифровизации ислама трудно выявить представителей апологетики цифровизации или ее критиков. Большинство аналитиков четко не определяет свою позицию, приводя аргументы как за, так и против цифровизации ислама. Поэтому мы и предлагаем специальный анализ аргументов – как сторонников цифровизации ислама, так и ее противников.

Вначале рассмотрим доводы защитников цифровизации ислама. Первым и наиболее распространенным их аргументом в пользу цифровизации ислама является ссылка на сам факт того, что процессы цифровизации религии, независимо от отношения к нему верующих, духовенства или научного сообщества уже давно идут со все нарастающими темпами. Но именно этот отсыл и подменяет критический анализ сути и последствий цифровых трансформаций ислама, до которых не доходят апологеты ее виртуализации, замещая объективный анализ происходящих превращений удобным для себя простым перечислением очевидных всем направлений и форм.

Вторым популярным аргументом в защиту виртуализации ислама предстает довод, что она существенно облегчает популяризацию ислама, создавая новые возможности его распространения с помощью современных технических средств. «Информатизация, включая цифровые технологии, в умелых головах и руках энтузиастов религии может стать сильным средством демонстрации своих достоинств» [6, с. 141].

Третьим аргументом апологетики цифровизации ислама оказывается ссылка на упрощение, повышение интенсивности и эффективности коммуникации внутри исламского сообщества – как между верующими, так и между духовенством и верующими. «Цифровые технологии упрощают, облегчают коммуникацию прихожан со священнослужителями, делают ее более доступной: по сути, человек может «участвовать» в богослужении, не покидая собственного дома» [3, с. 80].

Четвертый аргумент выводится из упрощения религиозного культа мусульман с помощью виртуальных его форм. Апологеты цифровизации в ярких красках расписывают удобства виртуальных форм исполнения основных религиозных обрядов – начиная от принятия ислама и заканчивая виртуальным хаджем, и даже виртуальным жертвоприношением.

Пятый аргумент увязывается с привлекательностью для молодых мусульман именно цифровых форм религии. «Социальные сети и онлайн-форумы создают пространство для обсуждения, что способствует более активному участию молодежи в религиозной жизни. Киберислам стирает географические границы, позволяя молодым мусульманам взаимодействовать с единоверцами из разных стран и обогащать опыт в восприятии ислама... В то же время цифровые технологии создают возможности для диалога между поколениями, что может усиливать понимание между поколениями» [7].

Шестой аргумент апологетики цифровизации ислама исходит из указания на демократизацию ислама, проявляющуюся в широчайших возможностях для любого верующего по-своему интерпретировать основы ислама, создавать собственные мусульманские инновационные блоги и т. п.

Наряду с этим базовым набором аргументов за цифровизацию ислама, сторонники и защитники этого процесса признают некоторые опасности и технические проблемы, связанные с ним. Как на одну из главных опасностей они указывают на возможность использования цифровых технологий сторонниками религиозного экстремизма. «Экстремистски настроенные группы могут получить больше возможности влиять на активно использующую интернет-пространство молодежь, могут занять положение мейнстрима» [10, с. 78]. Технической и в то же время содержательной проблемой при этом оказывается кибербезопасность – как самих цифровых платформ ислама, так и индивидуальных пользователей. Как о технической проблеме они говорят и о недостаточном уровне цифровой грамотности как рядовых верующих, так и части священнослужителей. «Проблемой является и то, что духовные лица не всегда обладают достаточными техническими знаниями для выполнения функций модераторов» [1, с. 132]. Таким образом, защитники цифровизации ислама признают некоторые риски, порождаемые ею, но считают их несущественными по сравнению с явными преимуществами.

Оценивая все эту аргументацию в пользу цифровой трансформации ислама, заметим, что она крайне поверхностна и малоубедительна. Эта аргументация от факта, а не от сущности явления. Она не затрагивает радикальные превращения многопорядковой сущности ислама, связанные с цифровизацией, недооценивает опасности и негативные стороны этого неоднозначного процесса.

Отдельные исследователи избегают односторонних оценок процессов цифровизации ислама. Так и Е. Н. Чеснова исходит из того, что в XXI веке цифровизация религии является необходимой и закономерной. «Цифровизация религии приводит не только к трансформации, адаптации, но и к появлению новых функций, институтов, ролей, практик, феноменов, артефактов (цифровые продукты и IT-технологии), пересмотру важных компонентов религиозного комплекса» [10, с. 71]. Иначе говоря, ислам, как и другие религии фактически вынужденно адаптируется к реалиям современного общества,

в особенности к цифровым технологиям. «Религия адаптируется к запросам современного общества, к ритму жизни верующих» [11, с. 29].

Стремясь к нейтральной, взвешенной оценке цифровизации ислама, Е. Л. Дмитриева отмечает не только положительные, но и отрицательные аспекты виртуализации религии мусульман. Позитивными моментами цифровой трансформации ислама она полагает расширение возможностей доступа верующих к богатейшему наследию исламской мысли, популяризацию трудов мусульманских авторитетов, просветительскую деятельность среди молодежи и т. д. Негативными моментами виртуализации ислама она представляет тенденцию к уменьшению посещаемости культовых сооружений, разъединение верующих, появление новых возможностей пропаганды радикальных религиозных движений и псевдоисламских толков в онлайн-формате и т. п. Сомневается Е. Дмитриева и в уместности виртуализации основных религиозных обрядов [1, с. 130]. Но она же приводит и принудительный аргумент в пользу цифровой модернизации ислама: «Игнорирование цифровой среды приведет к изоляции религиозного сообщества от мира» [1, с. 134]. Веским дополнительным объективным аргументом в оценке цифровизации ислама для нее становится ссылка на якобы нейтральность цифровых технологий по отношению к существу ислама: «Цифровые технологии рассматриваются в исламе как нейтральные по своей природе, человек их может использовать либо во благо, либо во зло» [1, с. 134].

Мы полагаем, что такая формальная нейтральность или декларируемая объективность в оценке процессов цифровой трансформации ислама закономерно оказывается их наукообразной апологетикой. Но и здесь, как в случае с открытой апологетикой цифровизации ислама, не дается глубокого анализа сущности происходящих трансформаций религиозного сознания и поведения мусульман, мусульманской уммы и исламских организаций. Объективность проявляется лишь в ссылке на необходимость беспристрастного научного изучения процессов цифровизации/виртуализации ислама, что «...значительно обогатит знания о «новом исламе», глобальной виртуальной умме, процессах религиозной идентификации современного мусульманина, его самореализации в киберпространстве» [10, с. 78]. Собственно, с этим никто и не спорит, но пока в научном дискурсе со всей необходимой глубиной и всесторонностью процесс цифровизации ислама не исследуется.

Критики цифровизации ислама находят в каждом из преимуществ киберислама существенные недостатки, фактически обесценивающие эти преимущества. Они отмечают, во-первых, что демократизация киберислама ведет к стиранию разницы между священным и профанным. Единое толкование вероучения сменяется произвольной интерпретацией его любым верующим. Тем самым подрываются авторитет и вероучения, и духовенства, и исламских святых. «Развитие социальных сетей позволило людям, которые никак не связаны с официальным религиозным представительство, публично высказывать свои личные религиозные воззрения, например, по-своему интерпретировать содержание священных текстов. Это стало причиной распространения феномена “квазирелигии”» [12, с. 217].

Во-вторых, критики цифровой трансформации религии обращают внимание на то, что виртуализация религиозного культа «делает функционирование церквей, мечетей, синагог и других религиозных центров бессмысленным для последователей, отдающих предпочтение онлайн-формату... изолирует таких верующих от общины, лишая их тем самым чувства сопричастности с другими людьми» [12, с. 217].

В-третьих, виртуализация исламского культа ведет к разрушению реальной, живой коммуникации мусульман друг с другом и с духовенством. «Цифровые технологии упрощают, облегчают коммуникацию прихожан со священнослужителями, делают ее более доступной: по сути, человек может «участвовать» в богослужении, не покидая

собственного дома, однако, подобный вид коммуникации не может полноценно заменить личностное общение и, тем более, пастырское руководство» [3, с. 80]. Естественно, виртуальная коммуникация, вытесняющая живое общение, подрывает связь верующих не только друг с другом и с духовными пастырями, но и с богом. Потенциально каждый виртуальный верующий получает возможность «создавать» своего бога или свою интерпретацию бога.

В-четвертых, критики киберислама указывают на фактическое обесценивание роли духовенства как хранителя аутентичного учения и духовного пастыря верующих. «Виртуализация религиозного пространства дает больше свободы верующим в религиозной жизни сообщества и позволяет обходиться в некоторых случаях без участия священнослужителей» [1, с. 130]. Они говорят о сужении возможностей влияния духовенства на верующих, чья роль фактически перехватывается модераторами интернет-пространства. «На первый план выходит роль администраторов сайтов, которым принадлежит важная функция модерирования и контроля за контентом сайтов. Таким образом, они, вольно или невольно, могут оказывать негативное влияние на сообщество верующих, устанавливать какие-либо правила и границы общения, не соответствующие религиозным моральным и этическим нормам» [1, с. 130–131].

В-пятых, и критики, и сторонники киберислама указывают на всплеск проблем, связанных с обеспечением кибербезопасности, т. е. защитой цифровых технологий от их преднамеренного деструктивного использования во вред верующим и с целью искажения, подмены аутентичного ислама его экстремистскими версиями.

В-шестых, критики цифровизации традиционных религий, в том числе ислама, отмечают фактическую деструкцию религиозной организации, подмену реальной религиозной организации виртуальной. Духовное лидерство мечети оказывается под вопросом, если оказание реальных религиозных услуг не требует участия священников и посещения мечетей, а производится в онлайн-формате, т. е. виртуально [4, с. 469].

В-седьмых, к киберисламу относится общее опасение, высказанное М. М. Мчедловой, Е. Н. Кофановой и Е. Н. Шевченко о том, что цифровизация религии как одной из сакральных форм духовности может привести к установлению над людьми тотального цифрового контроля, о котором, кстати, имеется пророчество в священных религиозных текстах разных религий [4, с. 468].

Здесь уместно отметить и то, что критические аргументы против киберислама высказываются обычно фрагментарно и вперемешку с признанием некоторых его преимуществ. Поэтому критика киберислама не носит системного характера и не касается, впрочем, как и его апологетика, сущности трансформации основ ислама в процессе его цифровизации.

Сущность цифровизации ислама

Рассмотрев три основные сложившиеся в научном дискурсе позиции по отношению к цифровизации ислама, попытаемся обозначить авторское видение этой злободневной проблемы. Но для этого необходимо разобраться в сущности процессов трансформации религиозного сознания и поведения верующих, религиозных институтов, к которым приводят вроде бы «нейтральные» и такие удобные, а главное, современные цифровые технологии. «В широком смысле цифровизация – это перенос в цифровую среду функций и видов деятельности, ранее непосредственно выполнявшихся людьми и организациями. При таком процессе... образуется целый искусственный мир, созданный современными информационными технологиями, в диапазоне от дополнительной до виртуальной реальности, и действующий в реальном времени» [6, с. 139].

В чем состоит сущность цифровизации религии? М. Ю. Смирнов рассматривает ее как «обнуление» религии. «При этом «обнулению», в смысле утраты прежней

функциональности, подвергаются почти все компоненты базовых составляющих религиозного комплекса. В настоящее время очевидна исчерпанность некоторых прежних устоев религиозной институциональности. В первую очередь это относится к мировоззренческим устоям, выраженным в религиях через вероучения. Вероучительный компонент для большинства последователей религий практически стал маргинален, уровень постижения доктринальных знаний крайне низок, а сами эти знания приблизительны или искажены» [6, с. 140]. Впрочем, «обнуление» традиционных религий не является их полным уничтожением или замещением. «Прежние институты не обязательно отмирают, но чаще всего трансформируются, не всегда будучи к этому готовы (вроде «Почты России»), и утрачивают авторитетную функциональность, уступая место новым» [6, с. 139–140].

Давая традиционным религиям право на существование, М. Ю. Смирнов, тем не менее, усматривает для них шанс на выживание только в определенной цифровой трансформации. «Только отторгнув снобизм и претензии на монопольность, религиозные организации смогут эффективно конкурировать с различными светскими идеологиями и квазирелигиями, предъявляя обществу не свои амбиции, а выработанный за длительную историю потенциал духовных, нравственных и социальных возможностей» [6, с. 141]. Приспособление традиционных религий к тотальной цифровизации общества должно, по его мысли, идти через их виртуализацию в режиме онлайн-религии и религии-онлайн, через платформизацию традиционных религий. «Если понимать платформу как корпоративную организацию разработчиков и поставщиков отдельных модулей и приложений вокруг компании-платформера (Церкви, например), то платформизацией может стать создание открытой, общедоступной площадки для взаимодействий между производителями и потребителями в сфере религиозных отношений» [6, с. 143]. Верно определив сущность цифровой трансформации традиционных религий, как их обнуление и смену статуса и способа существования в современном социальном и технологическом пространстве, М. Смирнов не видит в этом никакой катастрофы. «Есть «обнуление» нефункциональных институтов и практик и замещение их функциональными для современных искателей религиозных смыслов» [6, с. 141–142].

Еще один энтузиаст цифровизации традиционных религий К. Ценцера пропагандирует внедрение в традиционные религии цифровой технологии блокчейна. «Благодаря функциям блокчейна планируется, что сами люди будут голосовать и утверждать изменения в главных документах их религии, коллективно определять своих духовных наставников и честно собирать и отслеживать денежные потоки на нужды их церкви и прихожан» [9]. В общем, обнуление так обнуление, замещению цифровыми технологиями в процессе обнуления подлежат все элементы традиционных религий. Именно в этом видит будущее религии в цифровом обществе М. Ю. Смирнов. Речь идет о том, что превращение традиционного ислама в новую форму киберислама не только желательно, но и является для него единственным способом выживания в современном цифровом мире.

Нам же представляется, что подобная позиция фактически узаконивает уничтожение традиционных религий, в том числе и ислама. Если мы стремимся сохранить сущность ислама как великой мировой традиционной религии, то мы не можем согласиться с признанием «обнуления» ислама как позитивного, неизбежного и необходимого процесса. В связи с этим следует поставить главный вопрос: совместима ли цифровизация с глубинной сущностью ислама? Не является ли она тенденцией к вытеснению традиционного ислама ее превращенной формой, в которой искажается и разрушается его подлинная сущность?

О распространяющихся в современном мире превращенных формах исламских феноменов, в которых их глубинная сущность подвергается деформациям, приводящим к

замещению подлинно исламского содержания трансформированным контентом, принципиально меняющим его смысл, мы уже писали в ряде своих работ⁵. В своих превращенных формах исламские явления приобретают неисламское содержание, но в силу сохраняющегося внешнего сходства с исламскими феноменами они продолжают восприниматься в массовом сознании исключительно как исламские явления. Киберислам сегодня и предстает именно такой превращенной формой ислама.

Трансформация традиционного ислама в киберислам является, на наш взгляд, крайне деструктивным процессом, потому что она уничтожает сущность веры как основу ислама. Священное, Аллах, да и сам человек, его бессмертная душа не могут быть оцифрованы. Их цифровизация означала бы их уничтожение. «Именно по религии (вернее, по верованиям традиционных религиозных организаций) приходится наиболее болезненный удар в ходе трансформации ценностей, которая совершается под влиянием всеобщей цифровизации. Человек-пользователь – это потребитель услуги товаров в особой среде, которая организована так, чтобы ему было удобно (приятно, нетрудно) потреблять любой вид информации. Даже той, которая касается смысла жизни, высших ценностей бытия, смерти и бессмертия, счастья и страдания. Именно подмена работы всех структур сознания, без напряженной деятельности которых нет традиционных религиозных организаций и их последователей, наносит самый ощутимый удар по религии» [2, с. 88]. Цифровизация разрушает священную тайну веры и тем самым стирает различие священного и профанного, превращая священное в профанное. «Практически у каждой религиозной организации есть такие практики, которые невозможно перевести в формат онлайн, иначе полностью утрачивается их смысл» [4, с. 477].

Цифровизация/виртуализация уничтожает и другую фундаментальную основу всякой религии – живую, внутреннюю связь с Богом, с единоверцами и духовными пастырями, заменяя ее виртуальными поверхностными контактами. По этому поводу можно заметить: как от виртуального общения не рождаются дети, так от виртуальной религии не рождается вера, не рождается связь с Аллахом и с уммой. Уничтожение главного в исламе: связи с Богом и с верующими «может привести к тому, что у каждого пользователя появится свой Бог, что приведет к фатальной разобщенности всего общества, его деградации и примитивизму, но иного рода, нежели, чем это было в первобытной архаике» [3, с. 81].

Цифровизация разрушает и третью фундаментальную основу ислама – религиозную общину, мусульманскую умму, заменяя ее виртуальным сообществом пользователей. Но виртуальная умма так же отличается от реального живого братства мусульман, как армия оловянных солдатиков от реальной армии.

Цифровизация рождает тотальное отчуждение верующих от Всевышнего, от сакрального, от мечети и других верующих. Место всех главных религиозных ценностей занимает «цифра», цифровые технологии превращаются в основную сверхценность. Об

⁵ Яхьяев М. Я. Особенности экстремистских превращений религиозных идеологий // Религиозный фактор и его роль в общественно-политической сфере общества: реальность и перспективы. Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред.: проф. Авшалумова Л. Х., доц. Абасова А. А. – Махачкала: Алеф, 2022. – С. 157–166; Яхьяев М. Я. Превращенные формы исламских феноменов как идеологическая основа экстремизма и терроризма // Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией (г. Казань, 24–25 ноября 2022 г.) / под ред. Л. В. Сагитовой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. – С. 169–177; Яхьяев М. Я. Экстремистские превращения исламских феноменов в современном мире // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации. Сборник избранных научных статей I–II Всероссийских межведомственных научно-практических конференций (г. Москва, 20 декабря 2023 г. и 14 марта 2024 г.) – Москва, 2024. – С. 26–32.

этом предупреждает Н. М. Маркова: «...цифровизация как таковая не должна превращаться в сверхценность, цифровые технологии, социальные сети не должны становиться кумиром, которого чтут и которому поклоняются. Многие богословы и ученые опасаются того, что Интернет становится своего рода религией для большого числа пользователей» [3, с. 81].

Таким образом, мы видим, что несмотря на то что процесс замещения традиционного ислама виртуальным киберисламом в последние десятилетия идет очень активно, он все еще остается недостаточно ясно и четко изученным. И хотя многие исследователи отмечают противоречивость последствий цифровизации ислама, сохраняется неоднозначное отношение к нему имамов мечетей и большинства верующих. Также до сих пор нет четко выраженной позиции по поводу цифровизации ислама ни со стороны общероссийской религиозной организации мусульман «Духовного управления мусульман РФ», ни со стороны региональных духовных управлений мусульман.

Пока в современном дискурсе нет системного, глубокого критического анализа разрушительной сущности цифровизации ислама и разоблачения безбожных по сути извращений киберислама, поэтому идет ползучая деформация традиционного ислама, замещение его виртуальным киберисламом, который является антиподом истинной религии. Идущая на смену традиционному исламу превращенная его форма – это уже не подлинная религия, а пустышка, симулякр, где истинный ислам в процессе цифровизации подменяется эрзацами, подобно тому как настоящие продукты замещаются рекламными, ярко раскрашенными, но несъедобными продуктами из картона и пластика.

На наш взгляд, киберислам – это псевдоислам, не новая его форма, адаптированная к цифровым технологиям, а превращенная форма традиционного ислама. Понятия, вводимые адептами киберислама, выражают радикальные, разрушительные деформации истинного, традиционного ислама: виртуальная умма, виртуальные обряды и т. п. Виртуальный ислам, где каждый профан может толковать по-своему священные тексты и обряды, где исчезает суть любой великой религии – духовная связь мусульман с Аллахом и с другими единоверцами – это не ислам. Поэтому киберислам – это не что иное, как выхолащивание духовной сущности из живой религии, превращение ее в цифровой симулякр. И этому должен быть поставлен заслон. Деструктивным процессам замещения традиционного ислама виртуальным киберисламом, которые осуществляются путем цифровизации ислама и объективно ведут к фактическому уничтожению подлинного ислама, необходимо активно противостоять.

Заключение

В современном стремительно трансформирующемся на основе бурного развития цифровых технологий обществе происходит процесс цифровизации традиционных религий, в котором трансформируются все элементы религии, начиная от вероучения и заканчивая культом и церковной организацией. Этот процесс получает неоднозначную оценку в научном и религиозном сообществе – отмечаются как преимущества, так и опасности, недостатки цифровизации религии.

Проанализировав позиции апологетов и критиков цифровой трансформации ислама, мы приходим к выводу о том, что цифровизация ислама ведет к разрушению традиционной религии, ее замещению киберисламом как превращенной формой ислама, которая предстает деструктивным симулякром религии Аллаха. Для предотвращения негативных последствий такой цифровизации/виртуализации следует неукоснительно исходить из того, что есть сферы жизни человека, в которых должна быть запрещена цифровизация, или, по крайней мере, жестко ограничена. К таким сферам и относится, на наш взгляд, религия. Поэтому нужно поставить четкие ограничения цифровизации,

минимизировать ее и жестко регулировать этот процесс со стороны руководства религиозных конфессий. Религиозным организациям, их лидерам необходимо четко и однозначно сформулировать свою информационную политику и обозначить отношение к цифровизации, поскольку цифровизация как ничем не ограниченный и никем не управляемый процесс приведет лишь к потере подлинной сущности религии.

Литература

1. Дмитриева, Е. Л. Религия в России в эпоху цифровизации (на примере православия и ислама) / Е. Л. Дмитриева // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). – С. 129–136. DOI: 10.31249/rimm/2023.02.10
2. Журинский, И. С. Религия в эпоху цифровых технологий: некоторые аспекты процесса обновления / И. С. Журинский, О.Ф. Лобазова // Наука России: цели и задачи; сборник научных трудов по материалам XXI Международной научной конференции, (г. Екатеринбург, 10 июня 2020 г.) – Екатеринбург: НИЦ «Л-Журнал», 2020. Ч. 2. – С. 87–91. – DOI 10.18411/sr-10-06-2020-38.
3. Маркова, Н. М. Цифровизация религии: анализ современных богословских, философских и религиоведческих тенденций / Н. М. Маркова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2024. Т. 2, № 3(51). – С. 77–86. – DOI 10.22405/2304-4772-2024-3-2-77-86.
4. Мчедлова, М. М. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик / М. М. Мчедлова, Е. Н. Кофанова, А. Г. Шевченко // Россия реформирующаяся. 2021. № 19. – С. 462–483.
5. Пушнова, В.В. Цифровизация как фактор модернизации религии / В. В. Пушнова // Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, 15:13)», посвящённые 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества: материалы XXI Международного форума (г. Липецк, 30–31 октября 2025 г.) – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 264–268.
6. Смирнов, М. Ю. Цифровизация как «обнуление» религий / М. Ю. Смирнов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. – С. 137–146.
7. Хабибуллина, З. Р. Киберислам и молодежь: переосмысление традиций в условиях цифровизации религии / З. Р. Хабибуллина, А. А. Чубараева, И. П. Пономарева // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 12 (150). – DOI 10.60797/IRJ.2024.150.19.
8. Хабибуллина, З. Р. Виртуальный ислам: основные этапы становления, формы проявления и трансформация традиционных укладов мусульман / З. Р. Хабибуллина // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 4. – С. 604–619. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.604-619>
9. Ценцура, К. Блокчейн-проповедники и гики-буддисты. Пять самых популярных цифровых религий. / К. Ценцура. – URL: <https://techno.nv.ua/it-industry/pjat-samykh-populjarnykh-tsifrovykh-relihij-2475250.html>
10. Чеснова, Е. Н. Цифровизация религии: ислам / Е. Н. Чеснова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2021. № 4 (40). – С. 70–82. – DOI 10.22405/2304-4772-2021-1-4-70-82.
11. Чеснова, Е. Н. Специфика цифровизации ислама и IT-халяль / Е. Н. Чеснова // Исламоведение. 2022. Т. 23, № 3 (53). – С. 26–41. – DOI 10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41

12. Юлдашев, М. Д. Отношение представителей основных религиозных течений к цифровизации религии / М. Д. Юлдашев, А. И. Иванченко, О. А. Куликова // Вестник университета. 2022. № 11. – С. 214–221. – DOI 10.26425/1816-4277-2022-11-214-221.

13. Campbell H. Religion and the Internet. / H. Campbell // Issue of Communication Research Trends. 2006. Vol. 25, iss. 1. – Pp. 4–6. – URL: http://www.academia.edu/697902/Religion_and_the_Internet/

14. Helland, C. Online religion as lived religion. Methodological issues in the study of religious participation on the Internet. Online // Heidelberg Journal of Religions on the Internet. 2005. Vol. 01.1. – URL: <https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf/>

References

1. Dmitrieva, E. L. *Religiya v Rossii v epohu cifrovizacii (na primere pravoslaviya i islama) [Religion in Russia in the Age of Digitalization (Based on Orthodoxy and Islam)]* / E. L. Dmitrieva // *Rossiya i musul'manskij mir: nauchno-informacionnyj zhurnal*. 2023. № 2 (328). – S. 129–136. DOI: 10.31249/rimm/2023.02.10

2. Zhurinskij, I. S. *Religiya v epohu cifrovych tekhnologij: nekotorye aspekty processa obnovleniya [Religion in the Digital Age: Some Aspects of the Renewal Process]* / I. S. Zhurinskij, O. F. Lobazova // *Nauka Rossii: Celi i zadachi; Sbornik nauchnyh trudov po materialam XXI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Ekaterinburg, 10 iyunya 2020 goda. Chast' 2.* – Ekaterinburg: NIC «L-Zhurnal», 2020. – S. 87–91. – DOI 10.18411/sr-10-06-2020-38.

3. Markova, N. M. *Cifrovizaciya religii: analiz sovremennyh bogoslovskih, filosofskih i religiovedcheskih tendencij [Digitalization of Religion: An Analysis of Contemporary Theological, Philosophical, and Religious Studies Trends]* / N. M. Markova // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. 2024. Т. 2, № 3 (51). – S. 77–86. – DOI 10.22405/2304-4772-2024-3-2-77-86.

4. Mchedlova, M. M. *Religiya v usloviyah pandemii: otnoshenie k cifrovizacii religioznyh praktik [Religion in the Context of a Pandemic: Attitudes to the Digitalization of Religious Practices]* / M. M. Mchedlova, E. N. Kofanova, A. G. Shevchenko // *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2021. №19. – S. 462–483.

5. Pushnova, V. V. *Cifrovizaciya kak faktor modernizacii religii [Digitalization as a factor in the modernization of religion]* / V. V. Pushnova // «Zadonskie Svyato-Tihonovskie obrazovatel'nye chteniya «Net bol'she toj lyubvi, kak esli kto polozhit dushu svoyu za druzej svoih» (Ioann, 15:13)», posvyashchyonnye 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne i Godu zashchitnika Otechestva»: *Materialy HXI mezhdunarodnogo foruma, Lipeck, 30–31 oktyabrya 2025 goda.* – Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2025. – S. 264–268.

6. Smirnov, M. Yu. *Cifrovizaciya kak «obnulenie» religij [Digitalization as a «zeroing out» of religions]* / M. Yu. Smirnov // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2019. № 3. – S. 137–146.

7. Habibullina, Z. R. *Kiberislam i molodezh': pereosmyslenie tradicij v usloviyah cifrovizacii religii [Cyberslam and Youth: Rethinking Traditions in the Context of the Digitalization of Religion]* / Z. R. Habibullina, A. A. Chubaraeva, I. P. Ponomareva // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2024. № 12 (150). – DOI 10.60797/IRJ.2024.150.19.

8. Habibullina, Z. R. *Virtual'nyj islam: osnovnye etapy stanovleniya, formy proyavleniya i transformaciya tradicionnyh ukладov musul'man. [Virtual Islam: the main stages of development, forms of manifestation and transformation of traditional Muslim customs]* / Z. R. Habibullina // *Istoricheskaya etnologiya*. 2024. Т.9, №4. – S. 604–619. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.604-619>

9. Cencura, K. Blokchejn-propovedniki i giki-buddisty. Pyat' samykh populyarnykh cifrovyykh religiy. [Blockchain Preachers and Buddhist Geeks: The Five Most Popular Digital Religions]. – URL: <https://techno.nv.ua/it-industry/pjat-samykh-populjarnykh-tsifrovyykh-relihij-2475250.html> (Data obrashcheniya 05.12.2025.)

10. Chesnova, E. N. Cifrovizaciya religii: islam [Digitalization of religion: Islam] / E. N. Chesnova // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. 2021. № 4 (40). – S. 70–82. – DOI 10.22405/2304-4772-2021-1-4-70-82.

11. Chesnova, E. N. Specifika cifrovizacii islama i IT-halyal' [The specifics of digitalization of Islam and IT-halal] / E. N. Chesnova // *Islamovedenie*. 2022. № 3 (53). – S. 26–41. – DOI 10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41

12. Yuldashev, M. D. Otnoshenie predstavitelej osnovnykh religioznykh techenij k cifrovizacii religii [The attitude of representatives of the main religious movements towards the digitalization of religion] / M. D. Yuldashev, A. I. Ivanchenko, O. A. Kulikova // *Vestnik universiteta*. 2022. № 11. – S. 214–221. – DOI 10.26425/1816-4277-2022-11-214-221.

13. Campbell H. (2006) Religion and the Internet. *Issue of Communication Research Trends*. Vol. 25, Iss. 1: 4–6. – URL: http://www.academia.edu/697902/Religion_and_the_Internet/ (Data obrashcheniya: 05.12.2025.)

14. Helland C. (2005) Online religion as lived religion. Methodological issues in the study of religious participation on the Internet. *Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet*. Vol. 01.1 – URL: <https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf/> (Data obrashcheniya: 05.12.2025.)